Научная статья
УДК 316.75
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-255-265

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ИДЕОЛОГИИ

Анатолий Анатольевич Трунов[1]✉, Рашид Рамазанович Дагаев[2]

[1]Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия
[2]Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия
[1]trunovv2013@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-5669-8514, AuthorID РИНЦ: 454628
[2]rash-chelsea@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2838-1759, AuthorID РИНЦ: 106414

Аннотация. ***Цель исследования*** *заключается в том, чтобы осуществить сравнительный анализ основных парадигм философского исследования идеологии в обществах модерного и постмодерного типов.*

Методологическую базу исследования *представляют принципы системности и историзма, ведущие философские подходы к осмыслению идеологии в их классических, неклассических и постклассических интерпретациях, морфологический анализ, структурный психоанализ, постструктурализм, герменевтика, культурологический и философско-антропологический подходы.*

Результаты исследований. *В статье реконструированы классические, неклассические и постнеклассические подходы к изучению идеологии в обществах модерного и постмодерного типов. Особое внимание уделено характеристике морфологического анализа идеологий, а также выявлению специфики функционирования диффузной идеологии в условиях цифровизации, виртуализации и сетевизации общества.*

Перспективы исследования *обусловлены необходимостью глубокого и всестороннего изучения влияния диффузной идеологии на сознание, эмоции и поведение своих реципиентов в условиях цифровизации, виртуализации и сетевизации современного общества.*

Ключевые слова: *идеология, парадигмы, концепты, анализ, философия, общество, культура, процессы, дискурс, модерн, постмодерн*

Для цитирования: *Трунов А. А., Дагаев Р. Р. Традиции и новации в философском осмыслении идеологии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 255–265. http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-255-265.*

© Трунов А. А., Дагаев Р. Р., 2023

Original article

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF IDEOLOGY

Anatoly A. Trunov[1]✉, Rashid R. Dagaev[2]

[1]Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia
[2]Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
[1]trunovv2013@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-5669-8514, AuthorID RSCI: 454628
[2]rash-chelsea@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2838-1759, AuthorID RSCI: 106414

Abstract. ***The purpose of the study*** *is to carry out a comparative analysis of the main paradigms of philosophical research of ideology in modern and postmodern societies.*

The methodological basis of the research *is represented by the principles of systematicity and historicism, existing philosophical approaches to the comprehension of ideology in their classical, non-classical and post-classical interpretations, morphological analysis, structural psychoanalysis, poststructuralism, hermeneutics, cultural and philosophical-anthropological approaches.*

Research results. *The article reconstructs classical, non-classical and postnon-classical approaches to the study of ideology in modern and postmodern societies. Special attention is paid to the characteristic of morphological analysis of ideologies, as well as to the identification of the specifics of the functioning of diffuse ideology in the conditions of digitalization, virtualization and networkization of society.*

Research prospects *are conditioned by the processes of spontaneous re-ideologization and the need for a deep and comprehensive study of the influence of diffuse ideology on the consciousness, emotions and behavior of its recipients in the conditions of digitalization, virtualization and networkization of modern society.*

Keywords: *ideology, paradigms, concepts, analysis, philosophy, society, culture, processes, discourse, modern, postmodern*

For citation: *Trunov A. A., Dagaev R. R. Traditions and innovations in the philosophical understanding of ideology // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 255–265. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-255-265.*

Введение. В феврале 2022 г. мир вступил в новую историческую эпоху. Специальная военная операция инициировала не только процессы глобальной турбулентности, но и способствовала оформлению нового геополитического противостояния, в основу которого положена идеологическая (ценностно-смысловая) консолидация конфликтующих сторон. Эту ситуация не только актуализировала знаменитую шмиттовскую коду о необходимости различения друга и врага, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть [23], но и резко ускорила дремавшие идеологические процессы. Во многих регионах России наблюдаются стихийное возвращение советской и досоветской символики, реанимация ритуалов и дискурсивных практик ушедших эпох, связанных с резким повышением роли героического начала в личной и общественной жизни. Значимой составляющей специальной военной операции является борьба за умы, беспрецедентное по своему накалу противостояние в когнитивной и психоэмоциональной сферах.

Мы живём в цифровую эпоху, когда практически каждое происходящее событие

может получить медийное сопровождение. Эффективную информационную политику в условиях специальной военной операции трудно вести, игнорируя идеологию или заменяя ее типичным для мирного времени прагматизмом, ситуационным реагированием, ориентируясь на разовые PR-акции или используя одних и тех же лидеров мнений. Всё это требует адекватного идеологического сопровождения. Однако государственная идеология в России всё ещё официально запрещена. Патриотизм, который зачастую рассматривается как некая полноценная замена официальной государственной идеологии, также может быть разным.

В этой связи закономерно возникают вопросы, связанные с адекватностью существующих представлений о природе идеологии. Насколько они соответствуют духу времени? В каких направлениях продвинулось философское осмысление идеологии? Какие представления об идеологии стали достоянием прошлого, а какие соответствуют вызовам цифровой эпохи? Что из этого можно использовать на практике? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к характеристике существующих подходов к идеологии. Именно в этом и заключается основной замысел данной статьи.

Материалы и методы. В своем анализе мы опираемся на исследовательскую оптику, разработанную Ф. Бэконом, А.-Л.-К. Дестютом де Траси, К. Марксом, М. Вебером, К. Манхеймом и К. Гирцем в её классических, неклассических и постклассических интерпретациях, а также на морфологический анализ, предложенный британским аналитиком идеологии М. Фриденом, структурный психоанализ, постструктурализм, герменевтику, культурологический и философско-антропологический подходы. Идеологические процессы рассматриваются нами с позиций системности и историзма в контексте эволюции смысловых и символических оснований динамично развивающихся обществ модерного и постмодерного типов.

Результаты. Феномен идеологии возник задолго до того, как появились адекватные научные понятия, позволяющие его изучать с философских позиций. Без производства и распространения самых разнообразных идей совершенно невозможно представить и адекватно описать становление человека как вида *Homo sapiens*. При этом мы исходим из того, что вовсе не политика, а именно культура как система, порождающая разнообразные (в том числе идеологические) смыслы, должна находиться в центре эпистемологической рефлексии. Поверхностный уровень политики не должен заслонять от нас глубинные процессы, которые происходят на уровне духовного производства.

Чтобы разобраться в смысловом разнообразии существующих подходов и точек зрения, необходимо подробнее остановиться на характеристике наиболее влиятельных подходов к философскому осмыслению идеологии, осуществив их сравнительный анализ. Для этого мы попытаемся реконструировать как преднаучные, так и научные подходы, показав их сходство и различия, проанализировав основные парадигмы исследования идеологических процессов.

В качестве одного из первых исследователей идеологии можно назвать Ф. Бэкона, который ещё в начале XVII в. разработал своеобразную «идолологию» (или классификацию «идолов безумия»), которую можно рассматривать как первую философскую концепцию идеологии [3].

Современники Бэкона, равно как и мыслители следующих поколений, развивая его исследовательский проект и используя разработанную им методологию, осуществили деконструкцию многих идейных и символических конструкций Старого порядка, обосновали принципы рационального общественного устройства, наметили смысловые контуры великих идеологий модерна. Существенным элементом их философских концепций была критика широко распространённых мифов и господствующей религии. При этом многие из критиков исходили из того, что именно идеи правят миром и этот мир можно преобразовать в желаемом направлении, если руководствоваться не чувствами, а разумом. Позднее оказалось, что проблема гораздо сложнее, однако философская критика человеческих заблуждений оказала огромное влияние на развитие науки раннего Нового времени.

Само же слово «идеология» появилось в конце XVIII в. Его автором был А.-Л.-К. Де-

стют де Траси, разработавший эпистемологический проект, в основу которого был положен тезис об идеологии как науке о закономерностях человеческого мышления [8]. Впрочем, предложенная им характеристика идеологии как универсальной науки об идеях в философии так и не прижилась. Это произошло не только по причине спекулятивного переноса зоологических метафор на мыслительно-объективные процессы, когда мозг человека невольно отождествлялся с его же желудком, но и из-за полного непонимания Дестютом де Траси и его сторонниками природы идеального. Стремясь избавиться от метафизики и ограничиться рамками естественно-научного дискурса, Дестют де Траси создал весьма вульгарную концепцию сенсуалистской теории познания. Сама же критика всевозможных предрассудков, заблуждений, ошибочных теорий в эту историческую эпоху достигла своего апогея.

До К. Маркса и Ф. Энгельса философское осмысление идеологических феноменов в основном сводилось к разоблачению и просветительской критике существующих разновидностей ложного сознания. Считалось, что по мере развития науки все они станут наследием прошлого. К. Маркс и Ф. Энгельс предложили принципиально иной подход [16]. Избавление от идеологии возможно лишь при условии исчезновения тех обстоятельств, которые её порождают. Если мы хотим отказаться от иллюзорного (ложного) восприятия человека, общества или природы, то должны понять, что в обществах классового типа именно оно является важнейшим механизмом воспроизводства социального господства. Система заблуждений и иллюзий (господствующие мысли господствующего класса [16]) есть квинтэссенция идеологии, и от нее, как показывает опыт, невозможно избавиться философской или научной критикой просветительского толка. Заметим, что отношение К. Маркса к любым формам идеологии было негативным. При этом К. Маркс обоснованно полагал, что даже наиболее ««туманные образования в мозгу людей» [16, с. 25] выполняют важную функцию, примиряя индивидов и социальные группы с абсурдной действительностью. В целом же общественное бытие конструирует адекватные его природе формы общественного сознания, хотя отношения между ними могут быть достаточно гибкими.

В русле большинства концепций марксизма идеологию также принято рассматривать как разновидность ложного сознания. Идеологии во всех случаях в марксизме и его поздних разновидностях противопоставляется наука, на основе которой осуществляется развёрнутая критика надстроечных явлений в обществах модерного и постмодерного типов. Особое место в изучении идеологии занимает концепция И. Валлерстайна [4], дополненная идеями А.И. Фурсова [21]. Она позволяет рассматривать генезис и эволюцию тримодальной идеологии (консерватизма, либерализма и марксизма) в контексте анализа дискурсивных практик модерна.

В коллективном труде, посвящённом развитию европейской политической мысли XIX в., изданном под научной редакцией И.К. Пантина и И.И. Мюрберг, содержится обобщение ценного эмпирического материала, позволяющего осмыслить логику возникновения базовых идеологий модерна (консерватизма, либерализма и марксизма) [10]. Особого внимания заслуживает работа А.В. Шубина [24]. Большое внимание в ней уделяется характеристике не только марксистской, но и немарксистских версий социализма, в основу которых положены идеи самоорганизации свободных сообществ свободных людей. Системная критика идеологий модерна и постмодерна с постмарксистских позиций содержится в монографии Д. Шварцмантеля [29].

В целом же диалектический метод и исследовательская оптика Маркса продолжают успешно развиваться [19]. При этом наряду с рассмотренными нами интерпретациями идеологии сквозь призму марксизма существуют и другие, не менее авторитетные парадигмы научного познания. Некоторые из них сформировались через явное или неявное противопоставление марксизму.

В этой связи обозначим подход М. Вебера, который позволяет рассматривать идеальные типы идеологий в процессах модернизации традиционных обществ и институционализации сферы публичной политики. Собственно, М. Вебер фокусирует свои исследовании на необходимости изучения тех сторон жизнедеятельности буржуазного общества,

которые у самого К. Маркса по целому ряду причин не получили значительного развития. Отсюда — огромный интерес М. Вебера не только к научному обоснованию рационального устроения общества на основе проектирования его оптимального институционального дизайна, но и к сравнительному изучению различных типов политики, систем социального господства и подчинения [5; 6].

Не менее важной представляется инициированная М. Вебером научная дискуссия о сущности политического, заочными участниками которой стали К. Шмитт, Х. Арендт и Э. Фёгелин [23; 1; 22]. Неовеберианский подход был детально разработан М. Манном, который предложил рассматривать идеологию как один из важнейших источников социальной власти во всех существующих типах обществ, начиная с цивилизаций Древнего мира и заканчивая процессами глобализации. В своей многотомной монографии М. Манн выделяет имманентные и трансцендентные идеологии, которые можно охарактеризовать как разновидности гражданских и политических религий [11–14]. Их изучением весьма успешно занимается Э. Джентиле [9]. Среди других представителей неовеберианского подхода отметим Я. — В. Мюллера и Н. Урбинати [17; 20]. В центре их внимания — изучение проблем демократии сквозь призму философских и идеологических дискуссий XX — начала XXI вв.

Среди классических мы также выделяем подход К. Манхейма, который рассматривал идеологию и утопию как конкурирующие стратегии господствующих и депривированных социальных групп, которые ведут борьбу за присвоение ресурсов в обществах предмодерного и модерного типов [15]. В контексте предпринятого им анализа К. Манхейм настаивал на необходимости разработки полноценной социологии знания, очищенной от присутствия каких-либо элементов идеологии или утопии. Безусловно, в целом ряде аспектов концепция К. Манхейма устарела. Однако именно её можно рассматривать как базовую платформу для появления перспективной парадигмы конструктивизма.

Особое место здесь также занимает эссе знаменитого антрополога К. Гирца, который предложил рассматривать идеологию как культурную систему [7]. Согласно аргументации К. Гирца, идеологии возникают в ситуации смыслового вакуума, когда одна система интерпретации реальности уже рухнула, а другая ещё не сформировалась. Объективная потребность индивидов и социальных групп в осмыслении стремительно меняющейся реальности вызывает необходимость идеологии как культурной системы, поэтому любая идеология исторична и интегрирована в систему производства, распространения и потребления культурных смыслов.

Обсуждение. Как видим, философская классика отнюдь не утратила своего эвристического потенциала. Она довольно хорошо объясняет функционирование идеологии в обществах модерного типа. Проблема заключается в том, что в тех обществах, которые оказались в состоянии постмодерна, классические идеологии превратились в симулякры. Они утратили свою привлекательность и мобилизационный потенциал, перестали давать адекватные ответы на актуальные вопросы социальной и политической жизни, растворились в практиках потребления. При этом идеологическое никуда не исчезло. Оно обрело новые формы и свойства диффузности. В этой связи имеет смысл обратиться к неклассическим подходам изучения идеологии. Особое место среди них занимает морфологический анализ М. Фридена.

Четверть века М. Фриден возглавлял наиболее авторитетный научный журнал, посвященный изучению политических идеологий («The Journal of Political Ideologies»). Помимо этого, он опубликовал серию монографий, которые позволили существенно продвинуться в области адекватного понимания идеологических процессов [25–28]. Индивидам свойственно декодировать идеологические послания, выделять главное и второстепенное, полезное и вредное, приемлемое и неприемлемое, поэтому существует огромная разница между идеологией как теоретической системой и особенностями её преломления в сознании конкретных индивидов. Какие-то идеи искажаются, какие-то упрощаются, какие-то исчезают из зоны внимания индивидов. Зафиксировав этот очевидный факт, М. Фриден разрабатывает концептуальный (или морфологический) метод анализа идеологий. Согласно М. Фридену, идео-

логии можно рассматривать как сложные смысловые системы, ядром которых являются базовые концепты, способные порождать идеологические дискурсы и нарративы. Эти концепты разрабатываются теоретиками, которые занимаются философским и научным осмыслением социальных процессов.

Концепты действительно можно рассматривать как своеобразные «тела» идеологий, то есть универсальные мыслительно-объективные формы, которые позволяют различать консерватизм и либерализм, либерализм и марксизм, умеренных и радикалов, националистов и нацистов. Набор таких концептов сравнительно невелик. Так, в основу консерватизма положены концепты традиции и порядка. Ядром либерализма выступают концепты свободы и прогресса. Идеологии социалистического и коммунистического типа апеллируют к концепту социальной справедливости и перспективам полноценной реализации родовой сущности человека. Базовые концепты классических идеологий определяют стратегию и тактику конкретных акторов политического процесса. М. Фриден также выделяет периферийные и смежные концепты, которые выступают связующими звеньями между конкурирующими идеологиями и позволяют вести политическую дискуссию о наилучшем варианте общественного устройства. М. Фриден исходит из того, что носителями идеологий как целостных смысловых систем является образованное меньшинство, в то время как массовое сознание заполнено лишь фрагментами идеологий.

В одной из своих новейших работ М. Фриден обращает внимание на пренебрежительное отношение к любым формам идеологии со стороны статусных представителей академического дискурса. В их среде принято третировать идеологию как разновидность ложного сознания, наследие тоталитарных или авторитарных режимов. «Идеология слишком часто является чужеродным имплантом», — отмечает М. Фриден [28, с. 11], критикуя оторвавшихся от реальности теоретиков. Когда массы представляли собой инертное молчаливое большинство, такое отношение к идеологии было оправданным. Однако благодаря цифровизации и развитию социальных медиа массы получили колоссальные возможности выражать свои эмоции и мысли, оспаривать принимаемые решения, поддерживать или ниспровергать лидеров мнений, участвовать в политическом процессе. Интеллектуалы, которые не смогли понять новые возможности масс, утратили свое былое влияние и превратились в маргиналов цифровой эпохи.

При этом М. Фриден отмечает, что огромную роль в распространении идеологий играют эмоции [28]. По большому счету, рациональное содержание идеологий воспринимает образованное и политически продвинутое меньшинство, в то время как менее образованное большинство гораздо более восприимчиво к демагогии и другим разновидностям манипулятивной риторики.

Массы обрели возможность публично выражать свои чувства и высказываться практически по любому поводу. Однако они так и не обрели разум, способный формулировать мысли, выходящие за рамки господствующей в обществе идеологии, которая действует по принципу проникающей радиации, то есть деструктивно и незаметно. Классическая концепция публичности как пространства локализации рационального дискурса в цифровую эпоху сменилась глобальной машинерией фейков. Мы живём в эпоху постправды, когда основной целью производства и трансляции массовой информации является не убеждение, основанное на доказательствах, а воздействие на эмоции, включая коллективное бессознательное. Слова, произнесенные публично, уже практически ничего не значат. Что касается идеологий, то они превращаются в «идеолоноиды» — виртуальные эклектичные фантомы, сконструированные циничными политтехнологами, исходя из пожеланий своих заказчиков. «Этот феномен превосходит обычную гиперболизацию или лживость», — поясняет М. Фриден, раскрывая сущность сконструированного им неологизма [28, с. 181].

Массовый потребитель новостей не способен отличить правду от лжи, досужий вымысел от фактов, прогноз от самосбывающегося пророчества, поэтому дискуссии, которые ведутся в публичной сфере, чаще всего бессмысленны и бесплодны. По существу, мы наблюдаем возвращение все тех же «идолов безумия», о которых на заре Нового времени писал Ф. Бэкон. Возможным выхо-

дом из сложившейся ситуации мог бы стать знаменитый принцип парресии, то есть экзистенциальной ответственности публично заявляющих за свои слова, однако в ситуации постправды в симулякр превращается даже парресия.

Эти идеи хорошо дополняются структурным психоанализом, который применяется А.В. Рубцовым при изучении диффузной идеологии и получил в начале XXI в. заметное распространение феномена политического нарциссизма [18]. Согласно А.В. Рубцову, политический нарциссизм специфическим образом отражается в зеркале диффузных идеологий, формируя грандиозный медийный образ господствующей власти и компенсируя массам ощущение собственной ничтожности за счёт создания шизофренической картины мира. Психопатология заключается в том, что воображаемое и символическое здесь полностью отрываются от реального, начиная жить по законам бесконечного медийного спектакля или виртуального карнавала. Образ грандиозности и всемогущества персонифицированных носителей власти, который создаётся машинерией пропаганды, проплаченными троллями и ботами в сетях публичности, возвращает общество в то ментальное состояние, которое предшествовало модерну. Сам же нарциссизм в политике, как об этом пишет А.В. Рубцов, оборачивается бессознательным влечением к смерти, что наглядно демонстрирует деконструированный им миф о Нарциссе.

К теме идеологии очень близко примыкают исследования в области символической политики, которые были успешно начаты М. Эдельманом [25]. С этих позиций могут быть рассмотрены проблемы идеологического конструирования прошлого и настоящего, проектирования желаемого будущего, политика памяти, политические мифы.

Перспективным направлением изучения идеологий в эпоху цифровизации и массовой доступности социальных медиа является изучение эхо-камер и пузырей фильтров, создающих весьма специфические представления о реальности [2]. Эхо-камеры формируются на основе закрытых сообществ, которые стремятся оградить себя от неприемлемой или деструктивной в их понимании информации, разрушающей привычную картину мира. Опасность пузырей фильтров заключается в том, что в закрытом сообществе циркулирует преимущественно однотипная информация и отсутствуют альтернативные точки зрения, которые приводят к формированию столь же однотипных идеологических представлений. В условиях информационного общества это обеспечивается спецификой работы алгоритмов поисковой выдачи в сетях публичности. Новостная лента подстраивается именно к тому контенту, который вызвал у пользователя наибольший интерес. Эхо-камеры и пузыри фильтров существенно затрудняют возможности информационного обмена, но весьма способствуют эффективной идеологической обработке реципиентов. Ставя лайки, оставляя комментарии или пересылая друг другу популярные мемы, они вольно или невольно становятся основными потребителями и трансляторами диффузной идеологии.

Заключение. Подводя общий итог, сформулируем основные выводы данной статьи.

1. Философское осмысление идеологии опирается на несколько солидных научных традиций, восходящих к Ф. Бэкону, А.-Л.-К. Дестюту де Траси, К. Марксу, М. Веберу, К. Манхейму и К. Гирцу. Эти традиции развивались не изолированно, а в тесном контакте друг с другом. Их представители руководствовались различными соображениями, но при этом стремились к выработке полноценного научного знания, избавленного от присутствия идеологии. Получалось далеко не всегда. И это обусловлено тем, что учёные, которые занимались и продолжают заниматься идеологической проблематикой, не существуют вне того социального и культурного контекста, который порождает идеологические процессы («парадокс К. Манхейма»).

2. Философское осмысление идеологии прошло сложный путь: от критики «идолов безумия» (Ф. Бэкон) к попытке формирования особой науки об идеях (А.-Л.-К. Дестют де Траси). Основные подходы к изучению идеологии связаны с разработками К. Маркса, М. Вебера, К. Манхейма и К. Гирца. Эти мыслители заложили теоретические и методологические основы той учреждающей дискурсивности, которая позволяет изучать идеологические процессы в обществах модерного и постмодерного типов с позиций

классической, неклассической и постклассической рациональности.

3. В эпоху модерна идеологическое было тесно связано с политическим и проявляло себя как борьба за образы желаемого общества в публичном пространстве. Этот процесс наблюдается и в наши дни, когда симулякры идеологий превращаются в симулякры политических религий, а сами идеологии представляют собой причудливую смесь веры и знания. Основными коллективными субъектами, которые занимались производством, трансляцией и потреблением идеологий в обществах модерного типа, являлись интеллигенция и интеллектуалы. Сегодня пустующее место интеллигенции и интеллектуалов заняли блогеры, лидеры общественного мнения и сетевые тролли, создающие специфический медийный контент, в котором истина перемешана с вымыслом, а фейк зачастую не отличим от факта. Их основное отличие от интеллигентов и интеллектуалов эпохи модерна заключается в том, что они стараются любыми путями удержать и капитализировать внимание аудитории. На смену рациональной аргументации пришли манипулятивные риторические стратегии. Идеологические симулякры также выступают маркерами идентификационного поведения тех индивидов (блогеров, «инфлюенсеров», лидеров общественного мнения, сетевых троллей) и референтных групп, которые занимаются производством, трансляцией или потреблением диффузной идеологии в обществах постмодерного типа.

Список источников

1. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.

2. Брунс А. Реальна ли стена фильтров? / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.

3. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. Т. 2 / Пер. с англ. М.: Мысль, 1972. 582 с.

4. Валлерстайн И. Мир-система Модерн. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914 / Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.

5. Вебер М. Власть и политика / Пер. с нем. М.: РИПОЛ классик, 2017. 432 с.

6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. Т. IV. Господство / Пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.

7. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

8. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2013. 334 с.

9. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / Пер. с итал. СПб.: Владимир Даль, 2021. 400 с.

10. Европейская политическая мысль XIX в. / Отв. ред. И.К. Пантин, И.И. Мюрберг. М.: Наука, 2008. 486 с.

11. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 1: История власти от истоков до 1760 г.н.э. / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 760 с.

12. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга первая) / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 512 с.

13. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга вторая) / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 520 с.

14. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 696 с.

15. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. XIV / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 616 с.

17. Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 400 с.

18. Рубцов А.В. Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. М.: Прогресс-Традиция, 2020. 816 с.

19. Тернборн, Й. От марксизма к постмарксизму / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 259 с.

20. Урбинати Н. Искажённая демократия: Мнение, истина и народ / Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 448 с.

21. Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М.: Книжный мир, 2017. 768 с.

22. Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение / Пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.

23. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2016. 568 с.

24. Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.

25. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.

26. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996. 603 p.

27. Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford: Clarendon Press, 2003. 160 p.

28. Freeden M. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. New York; London: Routledge, 2021. 218 p.

29. Schwarzmantel J. J. The age of ideology: political ideologies from the American Revolution to postmodern times. New York: New York University Press, 1998. XII. 210 p.

References

1. Arendt H. Vita Activa, ili O dejatel'noj zhizni [Vita Activa, or About active life]. Per. s nem. i angl. 2-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Ad Marginem Press, 2017. 416 p. (In Russ.).

2. Bruns A. Real'na li stena fil'trov? [Is the filter wall real?]. Per. s angl. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2023. 120 p. (In Russ.).

3. Bjekon F. Sochinenija: V 2-h t. [Works: In 2 vols.] Vol. 2. Per. s angl. Moscow: Mysl', 1972. 582 p. (In Russ.).

4. Vallerstajn I. Mir-sistema Modern [The World-the Modern system]. Vol. IV. Triumf centristskogo liberalizma, 1798–1914 [The Triumph of centrist liberalism, 1798–1914]. Per. s angl. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2016. 496 p. (In Russ.).

5. Veber M. Vlast' i politika [Power and politics]. Per. s nem. Moscow: RIPOL klassik, 2017. 432 p. (In Russ.).

6. Veber M. Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii: V 4-h t. [Economy and society: essays on understanding sociology: In 4 vols.] Vol. IV. Gospodstvo [Domination]. Per. s nem. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. 542 p. (In Russ.).

7. Girc K. Interpretacija kul'tur [Interpretation of cultures]. Per. s angl. Moscow: ROSSPJeN, 2004. 560 p. (In Russ.).

8. Destjut de Trasi A.-L.-K. Osnovy ideologii. Ideologija v sobstvennom smysle slova [The basics of ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Per. s franc. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2013. 334 p. (In Russ.).

9. Dzhentile Je. Politicheskie religii. Mezhdu demokratiej i totalitarizmom [Political religions. Between democracy and totalitarianism]. Per. s ital. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2021. 400 p. (In Russ.).

10. Evropejskaja politicheskaja mysl' XIX v. [European political thought of the XIX century]. Otv. red. I. K. Pantin, I. I. Mjurberg [In I. K. Pantin, I. I. Murberg (eds.)]. Moscow: Nauka, 2008. 486 p. (In Russ.).

11. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 1: Istorija vlasti ot istokov do 1760 g.n.je. [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 1: The history of power from the origins to 1760 A.D.]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 760 p. (In Russ.).

12. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 2: Stanovlenie klassov i nacij-gosudarstv, 1760–1914 gody (kniga pervaja) [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 2: The formation of classes and nation-states, 1760–1914 (book one)]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 512 p. (In Russ.).

13. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 2: Stanovlenie klassov i nacij-gosudarstv, 1760–1914 gody (kniga vtoraja) [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 2: The formation of classes and nation-states, 1760–1914 (book two)]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 520 p. (In Russ.).

14. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 3: Global'nye imperii i revoljucija, 1890–1945 gody [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 3: Global empires and Revolution, 1890–1945]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 696 p. (In Russ.).

15. Manhejm K. Diagnoz nashego vremeni [Diagnosis of our time]. Per. s nem. i angl. Moscow: Jurist, 1994. 700 p. (In Russ.).

16. Marks K., Jengel's F. Sochinenija [Works]. Vol. 3. XIV. Per. s nem. 2-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 616 p. (In Russ.).

17. Mjuller Ja.-V. Spory o demokratii. Politicheskie idei v Evrope XX veka [Disputes

about democracy. Political ideas in Europe of the XX century]. Per. s angl. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017. 400 p. (In Russ.).

18. Rubcov A. V. Narciss v brone. Psihoideologija «grandioznogo Ja» v politike i vlasti [Narcissus in armor. The psychoideology of the «grandiose Self» in politics and power]. Moscow: Progress-Tradicija, 2020. 816 p. (In Russ.).

19. Ternborn, J. Ot marksizma k postmarksizmu [From Marxism to post-Marxism]. Per. s angl. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2021. 259 p. (In Russ.).

20. Urbinati N. Iskazhjonnaja demokratija: Mnenie, istina i narod [Distorted democracy: Opinion, truth and the people]. Per. s angl. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016. 448 p. (In Russ.).

21. Fursov A. I. Bor'ba voprosov. Ideologija i psihoistorija: russkoe i mirovoe izmerenie [The struggle of questions. Ideology and psychohistory: Russian and world dimension]. Moscow: Knizhnyj mir, 2017. 768 p. (In Russ.).

22. Fjogelin Je. Novaja nauka politiki. Vvedenie [The new science of politics. Introduction]. Per. s angl. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2021. 372 p. (In Russ.).

23. Shmitt K. Ponjatie politicheskogo [The concept of the political]. Per. s nem. Saint Petersburg: Nauka, 2016. 568 p. (In Russ.).

24. Shubin A. V. Socializm. «Zolotoj vek» teorii [Socialism. The «Golden Age» of theory]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 744 p. (In Russ.).

25. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.

26. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996. 603 p.

27. Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford: Clarendon Press, 2003. 160 p.

28. Freeden M. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. New York; London: Routledge, 2021. 218 p.

29. Schwarzmantel J. J. The age of ideology: political ideologies from the American Revolution to postmodern times. New York: New York University Press, 1998. XII. 210 p.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.
The article was submitted on 18.10.2023; approved after reviewing on 12.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трунов Анатолий Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, кафедра «Гуманитарные и социальные дисциплины», Белгородский университет кооперации, экономики и права.

Россия, г. Белгород, ул. Садовая, 116а, каб. 213

Anatoly A. Trunov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

116a Sadovaya str., of. 213, Belgorod, Russia

Дагаев Рашид Рамазанович — кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра «Теория и технология социальной работы», Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова.

Россия, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33

Rashid R. Dagaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University.

33, Subry Kishievoy str., Grozny, Russia

Вклад авторов:
Трунов А. А. — научное руководство; написание основного текста, итоговые выводы.
Дагаев Р. Р. — доработка основного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:
Trunov A. A. — scientific supervision; development of research methodology; writing of the main text; final conclusions.
Dagaev R. R. — finalisation of the main text; final conclusions.